

Бу Аньци успокаивал ребенка, а дедушка кивал в знак согласия. Мальчик, кажется, немного успокоился и перестал плакать. Чэн Синьюань с гордостью сказал:

— Ну как, неплохо, правда?

Чжао Сюньюэ еще не видел своей новой прически, и Ма Цюаньцюань быстро протянул ему маленькое зеркало. Чжао Сюньюэ внимательно разглядывал себя, гладил голову, трогал оставшиеся волосы. Теперь его вообще не волновал ребенок, только он сам. К счастью, хотя Чэн Синьюань долго водил машинкой, это было больше для вида, и он не подстриг его слишком коротко.

— Малыш, видишь, у меня хорошая рука? — Чэн Синьюань помахал расческой, дразня ребенка.
— Ты гораздо симпатичнее его, дядя точно подстрижет тебя лучше.

Услышав это, Чжао Сюньюэ почувствовал легкий дискомфорт. Он не мог ревновать к ребенку, но ему казалось, что Чэн Синьюань не уделил должного внимания его прическе. Чжао Сюньюэ смотрел в зеркало, не зная, любит ли он своей новой стрижкой и тем, как она сочетается с его лицом, или же стрижкой, которую сделал Чэн Синьюань.

— Ну все, посмотрелся? Снимай ткань.

Чэн Синьюань не хотел потакать капризам Чжао Сюньюэ и позвал внука сесть на стул. Дедушка, держа внука за руку, уговорил его сесть. Ребенок перестал плакать, но на его лице остались следы слез, и он с грустью смотрел на свои волосы. Почему дети так ненавидят стричься — это, наверное, одиннадцатая неразгаданная тайна мира.

Чжао Сюньюэ наконец посмотрелся в зеркало, снял ткань и накинул ее на внука. Когда он наклонялся, чтобы закрепить зажим на шее ребенка, его голова оказалась прямо перед глазами Чэн Синьюаня. Тот, не зная почему, вдруг засмеялся и потрепал его по затылку.

Чжао Сюньюэ резко поднялся, глядя на него с удивлением и странным выражением лица, но Чэн Синьюань весело сказал:

— Эй, а ведь правда, неплохо получилось!

Готовые слова Чжао Сюньюэ «больше не трогай мою голову» застряли у него в горле. Чэн Синьюань улыбался так естественно, словно действительно восхищался его лицом, искренне и просто. Чжао Сюньюэ заметил, что, когда Чэн Синьюань не пытался казаться крутым или важным, он выглядел очень молодо. И за это время Чжао Сюньюэ увидел в нем множество достоинств, зрелости и доброты, которые сливались воедино с этим «молодым» капитаном отряда. Гнев и раздражение в его сердце начали рассеиваться.

— Ладно, отойди, я буду стричь его.

Чэн Синьюань слегка подтолкнул его, и Чжао Сюньюэ молча отошел, встав рядом с Ма Цюаньцюанем. Тот, видя его молчание, подумал, что он недоволен стрижкой, и тихо сказал:

— Мне тоже кажется, что получилось хорошо.

— М-м...

Чжао Сюньюэ промычал в ответ. Он не злился, он смотрел на спину Чэн Синьюаня, который стриг ребенка, и думал: тот говорил, что у него хорошая рука, или что Чжао Сюньюэ стал

выглядеть лучше после стрижки?

Это тоже два разных вопроса.

Когда Чэн Синьюань закончил стрижку, внук не сказал спасибо и больше не плакал. Дедушка был рад, глядя внука по голове. Чэн Синьюань тоже был счастлив за них, потому что в бедной волости Магоу деньги на стрижку равнялись цене завтрака. Он сэкономил им эти деньги и помог избежать проблем с гигиеной и болезнями из-за длинных волос.

Когда они собрали вещи и уже собирались уходить, во двор вошла женщина с корзиной яиц и свежих овощей. Она с любопытством осмотрела троих мужчин в полицейской форме и что-то сказала Бу Аньци на местном диалекте.

Чэн Синьюань и другие смотрели на женщину, а Бу Аньци перевел:

— Сяо Чэн, дело в том, что когда Цао Чун в прошлый раз приезжал сюда, с ним был стажер из полицейской академии. После этого он каждый месяц отправлял деньги этой семье. Женщина спрашивает, почему он не приехал?

— Она говорит о Сяо Се?

Ма Цюаньцюань первым вступил в разговор. Чжао Сюньюэ с недоумением смотрел на них, а Чэн Синьюань кивнул:

— Я помню этого парня, он был хорошим. Но в итоге он не остался в нашем отряде.

Женщина снова что-то сказала, и Бу Аньци перевел:

— Полицейский отправлял деньги, чтобы помочь их детям с учебой. У них трое детей: один в средней школе, еще двое учатся в старших классах в уезде. Когда он был здесь в прошлый раз, он узнал, что двое старших детей не могут позволить себе билеты домой и идут два дня, чтобы добраться до волости, питаюсь только лепешками и водой. Он пожалел их и стал отправлять деньги каждый месяц. Сегодня она услышала, что полицейские приехали, и принесла продукты в знак благодарности.

Чжао Сюньюэ, услышав эту историю, снова почувствовал горечь. Он смотрел на эту простую женщину, а Чэн Синьюань задумчиво сказал:

— Брат Бу, скажи ей, что стажера перевели в город, и он, вероятно, больше не приедет. Мы принимаем ее благодарность, но продукты пусть заберет обратно.

— Хорошо.

Когда Бу Аньци переводил, Ма Цюаньцюань сказал «спасибо», а Чжао Сюньюэ долго смотрел на яйца и овощи в руках женщины.

После перевода женщина заволновалась и снова заговорила, а затем попыталась всучить продукты Чэн Синьюаню.

— Эй, это...

Чэн Синьюань смутился, но Бу Аньци сказал:

— Она говорит, что раз не может передать это тому полицейскому, то отдаст вам. Тот стажер

отправил им много денег и учебных принадлежностей, так что эти продукты — мелочь.

— Но...

Чэн Синьюань хотел отказаться, но Бу Аньци снова сказал:

— Возьми, это просто знак благодарности. Она принесла это издалека, ты можешь передать Цао Чуну и другим, чтобы они знали, что их работа не напрасна.

Женщина кивала, настаивая на своем. Им еще предстояло посетить другие дома, и они не могли тратить время, поэтому Чэн Синьюань наконец взял продукты:

— Ладно.

Когда он взял яйца и овощи, лицо женщины просияло, и она показала ему большой палец вверх. Ма Цюаньцюань, понимая ситуацию, сам предложил помочь нести вещи, а Чэн Синьюань сказал Бу Аньци:

— Брат Бу, переведи, пожалуйста. Помощь и деньги, которые она получила, на самом деле не от нашего отряда, и нам неловко принимать эти вещи. Но я обещаю, что мы будем стараться изо всех сил, чтобы оправдать ее доверие.

— Хорошо.

Бу Аньци сначала кивнул, а затем перевел женщине. Та, поняв, искренне улыбнулась и сказала на общепонятном наречии:

— Хорошо.

Слова Чэн Синьюаня были искренними, без обычного бахвальства и шуток. Чжао Сюньюэ редко видел его в таком состоянии и смотрел на него, задумавшись. Когда женщина сказала «хорошо», Чэн Синьюань вдруг выпрямился и, не обращаясь к Бу Аньци, а прямо к женщине, поднял правую руку и сказал:

— Тетя, спасибо вам. Я от имени пограничного отряда отдаю вам честь.

На следующий день, после завершения работы, их третьим заданием была поездка в местную среднюю школу для проведения лекции о борьбе с организованной преступностью. Лекция состояла из двух частей: вручения школьных принадлежностей и объяснения сути «специальной кампании по борьбе с организованной преступностью». Естественно, главным докладчиком был капитан Чэн Синьюань.

В тот день, после вручения принадлежностей, Чжао Сюньюэ и Ма Цюаньцюань вместе с учениками сели в зале и слушали выступление Чэн Синьюаня. Он был отличным оратором, особенно по сравнению с пожилыми чиновниками. Он был молод, близок к людям, и его речь не была наполнена пустыми фразами. Иногда он даже шутил с учениками.

Борьба с организованной преступностью в школах звучала далекой, но на самом деле включала такие темы, как школьное насилие, преступления в школах и самозащита. Чэн Синьюань говорил полдня, к концу его голос стал хриплым. После лекции Бу Аньци отвез их в гостиницу, где они быстро поужинали.

После ужина Ма Цюаньцюань предложил прогуляться по волости. Они пробыли здесь всего

несколько дней, и у них было столько дел, что они не успели осмотреться. Обычно общительный Чэн Синьюань на этот раз отказался. Он сказал, что слишком устал, а завтра им предстоит долгая дорога, и предложил молодым ребятам прогуляться самим, а сам пошел спать.

Чжао Сюньюэ на мгновение задумался, а когда Ма Цюаньцюань снова спросил его, он тоже отказался, сказав, что не хочет идти. В итоге Бу Аньци сказал, что вечером поедет домой и может составить компанию Ма Цюаньцюаню.

<http://bllate.org/book/16930/1559156>